

Прочитал недавно рассказ Евгения Скоблова «Марш в метро» — и понял, сколько у нас общего с героем этого рассказа. Живя в Москве в течение пятнадцати лет, я всем видам передвижения по городу предпочитал подземку. Если не считать, конечно, любовь к пешим прогулкам по улицам города в выходные дни, направляясь, как говорится, куда глаза глядят. Естественно, с фотоаппаратом, чему свидетели — бесчисленные фотоснимки.

Но эти прогулки — отдых, свободное, с пользой, времяпрепровождение. А для целевых передвижений — метро. Замечено, что многие люди в подземке проводят время в дремоте, в текучке мыслей, разглядывании окружающих пассажиров. Редко кто читает, как в советское время. Я же в метро читал, в этом у меня тоже общее с героем рассказа.

Углубившись в чтение «Марша в метро», я осознавал, что если был тогда, в той ситуации, описанной в рассказе, рядом с героем в вагоне, то моя реакция на увиденное и услышанное была бы аналогичной. И я бы с таким же недоумением услышал в центре Москвы, в столице России, в канун 75-летия Священной — другого, более высокого слова нет, чтобы характеризовать, — Победы в Великой Отечественной войне фашистский марш, строевую песню подразделений СС. И транслировал ее молодой, нахально ухмыляющийся мужчина не через наушники, а через динамик смартфона, причем включенный на достаточную громкость, чтобы слышали пассажиры всего вагона. И я бы с таким же недоумением наблюдал полное, абсолютное безразличие рядом находящихся людей.

Наверняка у кого-то из них в роду есть родные, воевавшие на фронте, может кто-то и не вернулся, или вернулся инвалидом. Может, у кого-то было трудное военное детство, хорошо, если не в оккупации. Может, кто-то был сожжен или замучен — думается, кто-то из них знает не по фильмам и книгам, а по семейным рассказам о зверствах фашистов над мирным населением.

...А нацистские марши сменяли один другой и звучали все громче, и все шире ухмылялся этот мужчина. И я, читая, мысленно объединяю свой возмущенный взгляд на него с героем рассказа и ... вместе с ним перед выходом из вагона подхожу к фашисту, — а это был, безусловно, он, — и бью его по лицу, а потом слышу уже на перроне женский визг и крик: «Полиция!» Но... это все мысленно.

Однако на самом деле я смог бы поступить так же, как это сделал он? Или я так же, как другие пассажиры вагона, пассивно бы слушал, или не слушал, погружившись в свои мысли, дела, или, заткнув уши наушниками, заглушая все своей музыкой, или же под аккомпанемент нацистских маршей болтал бы с кем-то по телефону. А может быть, просто тупо уставившись перед собой, думал: «Ну, есть и есть... Что сделать?»

И тут я вспомнил, вернее, не вспомнил, а передо мной возник один вечер в 1998-м году. Еду в метро, тоже где-то в центре Москвы, не помню сейчас точно где. И вот на одной из станций в вагон, достаточно свободный от пассажиров, входят люди в черной форме СС — человек пять-шесть. Появилась мысль — снимают кино. Но потом стало ясно, что это не так. А послужило этому пониманию то, что при абсолютной идентичности формы, начиная от сапог и кончая петлицами и фуражкой, повязки на рукавах были не немецкие. Красный фон с белым кругом были те же, но вот то, что было внутри круга, отличалось. Вместо свастики был тоже черный знак русских фашистов из РНЕ.

Войдя в вагон, они тут же негромко, естественно, на чистейшем русском языке, скомандовали: «Предъявите документы!» И все люди, молча, спокойно, без тени какого-либо, не то что возмущения, а даже сомнения, стали доставать из карманов пиджаков, «из широких штанин», из сумочек свои паспорта и удостоверения личности. Те — как-то не поворачивается язык назвать «люди» — в черном спокойно брали документы в руки, пристально сличали фото с лицом и читали фамилию, имя и отчество. После проверки документов они так же спокойно, как зашли, вышли из вагона на очередной станции. И никто, в том числе и я, не позвонил машинисту и не вышел вслед за ними, чтобы сообщить в милицию. Все так же продолжали заниматься своими делами — погружаясь в свои мысли и заботы, слушая музыку или глядя перед собой. А моя соседка чуть слышно проговорила: «Ну, есть и есть...»

Равнодушие... Это самое страшное, что только может быть на свете. Оно открывало и открывает дверь всему злу на Земле. Равнодушие — это «стояние между добром и злом». И Бог устами Иоанна Богослова говорит нам: «... Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих...» (Новый Завет. Откровение святого Иоанна Богослова, глава 3). «...Люди постоянно тшатся сочетать небо и ад. Они считают, что на самом деле нет неизбежного выбора и, если хватит ума, терпения, а главное — времени, можно как-то совместить и то, и это, приладить их друг к другу» (Клайв Льюис). Мудрые слова, которые как нельзя лучше раскрывают суть равнодушных людей.

Вот и сейчас равнодушие позволяет делать с людьми все, что угодно. Всем ходить в масках-намордниках на улицах — зачем на улице-то, понятно, когда в магазине или в транспорте? — пожалуйста; сидеть по домам без права выхода — слава Богу, что не без права переписки (а может быть пока?) — «одобрямс»; без пропусков (аусвайс) нет передвижения — сделаем! Следующий шаг — всем пройти вакцинацию и последующее чипирование, а кто не сделает... И так далее.

Давно известно, как inferнальные слои Того света влияют на земную жизнь. Сейчас все больше и больше появляется демонизированных людей (пример — тот тип из рассказа «Марш в метро»). Зло все сильнее проникает в наш мир. Но, благодаря массе равнодушных людей, происходит это в значительно больших размерах, чем при сопротивлении...

Равнодушие может сделать из нас, личностей, биообъекты, то есть биороботов. А может быть, уже сделало? Хочется верить, что нет. И поступок героя рассказа Евгения Скоблова «Марш в метро» — верю, реального человека, — убеждает, что еще не все потеряно, что есть еще люди, способные быть людьми, личностями в наше время!